

Мариса Бель

**Баба Галя,
или Волшебное зелье
попаданки**

Бель М.

Б44 Баба Галя, или Волшебное зелье попаданки / Мариса Бель. – М.: Литнет, 2026. – 100 с.

ISBN 978-5-524-00145-0

– Ты не уйдёшь, пока не вернёшь всё, что мы тебе дали! Серьги! Платья! Ты нас обворовывала два года!

– Какие серьги? – искренне удивилась Галина. – Те, что ваш сын подарил и через месяц забрал, сказав, что это артефакты рода и мне их носить не положено, пусть лежат у матушки?

– Дерзость! Ты смеешь... Вышвырните её, – процедила она. – Как есть, в чём стоит. Нищая и останется нищей. Никто тебя не примет, поняла? Никто! Будешь под заборами ночевать!

Попала в тело бедной девушки, которую муж променял на состоятельную вдовушку. И всё бы ничего, так даже лучше. Уж к своим-то годам с тридцатисемилетним стажем Галина на мужчин и не рассчитывала.

Стала жить потихоньку, к миру притираться, да только один дракон покоя не дает. И тут бы оправить его в далекие дали, да только он не последний человек в городе, да еще и старший брат бывшего мужа девушки.

Придется этим драконам кое-что уяснить, а одной семейке, которая посмела обижать слабую, показать чего стоят настоящие русские женщины!

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00145-0

© Литнет, 2026

© Бель М., 2026

Глава 1

Говорят, смерть это темнота. Тишина. Покой. Чушь какая.

Смерть оказалась ярким, бьющим в глаза солнечным светом, настойчивым стуком в дверь и дикой, просто дикой болью в пояснице.

– Госпожа Галлия! Госпожа Малик просит подавать завтрак! Галина Степановна замерла, не открывая глаз.

Госпожа? И почему кто-то ломится в её квартиру в шесть утра, когда она только-только вышла на заслуженный отдых? Тридцать семь лет трудового стажа, между прочим. Тридцать семь лет она вкалывала в бухгалтерии, считала эти бесконечные цифры, чтобы сейчас какой-то...

Она резко открыла глаза.

Потолок не её спальни. Не натяжной с аккуратной люстрой из «Икеи». Потолок был деревянным, с тёмными балками.

Галина Степановна медленно села. И увидела свои руки.

Вернее, свои «не свои» руки.

Молодые. Тонкие. Бледные, с особой фарфоровой белизной, которую она в свои двадцать пять безуспешно пыталась поддерживать сметаной. Пальцы длинные, без единой возрастной пигментации, без вздутых вен. Ногти аккуратные, чуть розоватые.

Она поднесла ладонь к лицу.

– Мамочки, – выдохнула Галина Степановна голосом, который был звонче, выше, моложе на добрых шестьдесят лет.

– Госпожа! – голос за дверью стал настойчивее. – Малик изволили вернуться под утро и будут недовольны, если подача завтрака задержится!

Малик. Это еще кто там изволил вернуться и откуда?

И в голову нахлынули обрывки воспоминаний. Словно кто-то включил телевизор с помехами, и картинка скачет, накладывается одна на другую.

Малик это муж. Красивый, статный, маг к тому же. Свадьба два года назад, такая пышная, что у Галии голова кружилась от счастья.

Она – Галлия.

Молодая жена мага из древнего рода. Сирота, дочь почившего бедного зельевара, которую взяли замуж из милости, потому что Малик якобы влюбился без памяти. А она верила. Готовила завтраки, ждала из поездок, терпела холодность свекрови, насмешки тёток и кузин.

Бесплодная.

Бесполезная.

Чужачка.

Галина Степановна сидела на чужой кровати в чужом теле.

– Да чтоб тебя, – пробормотала она привычно, и это помогло. Вдох, выдох.

– Иду, – сказала она громко, и встала.

У двери было зеркало. Перед тем как открыть дверь, она осмотрела отражение с пят до головы.

Девушке можно было дать лет двадцати, не больше. Светлые волосы, заплетённые в небрежную косу, выбившиеся прядки. Лицо бледное, под глазами тени, не спала, видать, ночь. Черты мягкие, даже слишком. Такое лицо хочется обижать, потому что на нём сразу всё написано.

– Галлия, значит, – сказала Галина Степановна своему отражению. – Ну, здравствуй, тёзка.

В серо-голубых глазах мелькнуло что-то, то ли страх, то ли облегчение.

– Я не знаю, как это вышло, – тихо сказала Галина Степановна. – И не знаю, где ты теперь. Но если это правда, если ты... ушла... то я тут, понимаешь? Я за тебя. Не бойся.

В глазах защипало. Молодой организм, что с него взять.

– Я за нас обеих, – добавила она и вытерла непрошеную слезу тыльной стороной ладони.

Завтрак подавали в малую столовую. Галина Степановна натянула на себя то ли платье, то ли халат, в памяти Галлии это называлось «домашним выходным костюмом» и пошла на голос прислуги.

Столовая была большой, несмотря на название. Красивой, как в музее: тяжёлые портьеры, тёмное дерево, посуда с вензелями. И за этим огромным столом, заваленным яствами, сидел всего один человек.

Малик.

Галина Степановна сразу его узнала. Память Галлии выдала целый вихрь: вот он на свадьбе, улыбается, сжимает её руку; вот он дарит серьги с сапфирами; вот он говорит «милая» таким голосом, от которого у девушки подкашивались колени.

А вот он вчера. Холодный. Чужой. Смотрит сквозь нее.

– Садись, – бросил Малик, не поднимая глаз от бумаг. Галина Степановна села.

Она вдруг поняла, что сейчас всё решится. Что-то важное. Она смотрела на этого красивого мужчину с чёрными волосами, тонкими губами в дорогом камзоле, и видела его насквозь.

Она таких видела. И в своей жизни, и у подруг. Приходит такой, смотрит, говорит: «Мы должны поговорить». И уже всё ясно, ещё до того, как рот откроет.

– Галлия, – начал Малик.

– Малик, – кивнула она. Спокойно. Почти равнодушно.

Он на мгновение запнулся, словно ждал другого. Может, ждал, что она подбежит, начнёт суетиться, спрашивать, куда пропадал, хорошо ли доехал. Но Галина Степановна просто сидела и смотрела. Ждала.

– Наш брак был ошибкой, – выпалил он. – Ты не вписалась в род, у нас нет детей, и я...

Он запнулся, но быстро взял себя в руки.

– Я встретил женщину. Достойную. Она вдова, но обладает большим состоянием и связями. Этот брак усилит мой род, даст мне возможность...

– Когда будем подавать на развод? – перебила Галина Степановна. Малик замер.

– Что?

– Когда, – терпеливо повторила она, – подавать бумаги? Куда идти? Я не знаю этих порядков, объясни.

Он смотрел на неё так удивленно. Но Галина Степановна и этот взгляд знала как свои пять пальцев. Чему удивляться, если уже всё решил. Хотел ее слез и зрелищ? Да некогда ей, позавтракать да разбираться со своей новой жизнью надо.

– Ты... – начал он.

– Я не буду устраивать сцен, если ты этого боишься, – ровно сказала Галина Степановна. – Брак был ошибкой? Значит, разведёмся. Делов-то.

Она взяла с тарелки булочку. Вкусно пахло сдобой. Она не завтракала уже... когда она завтракала в последний раз? В той жизни, где остались внуки и дача и недописанное завещание?

Малик молчал. Смотрел. Галина Степановна откусила кусочек.

– Имей совесть, – сказала она с набитым ртом. – Не мучай меня. Сказал «развод» так разводишь. Чего тянуть?

Она сама не заметила, как сказала это голосом Галины Степановны, завхоза с тридцатисемилетним стажем, привыкшей решать вопросы быстро и без истерик.

Малик побледнел.

– Ты... странная сегодня, – выдавил он.

– Я устала, – ответила Галина. – Объясните вашей матушке, что я съезжаю сегодня же. Мне нужно собрать вещи.

Она встала, взяв еще одну булочку со стола.

– Галлия! – окликнул он. В голосе мелькнуло что-то похожее на растерянность. – Я... выделю тебе содержание. Достойное. Ты не пропадёшь.

Галина Степановна обернулась в дверях.

– Не надо, – сказала она тихо. – Оставь себе. Пригодится на новую свадьбу.

И вышла, аккуратно прикрыв за собой тяжёлую створку.

Собрать вещи Галии оказалось легко. Потому что вещей было... почти ничего.

Пара платьев, поношенных, несколько раз перешитых. Туфли она их берегла для выходов, но всё равно выходила в них всего несколько раз. Шкатулка с дешёвыми украшениями, подарками ещё её матери. И старая, издававшая виды книга по зельеварению с пометками на полях.

– Это всё? – прошептала Галина Степановна, перебирая тонкие тряпки.

Всё. За два года брака ей не купили ни нового платья, ни хорошего тёплого плаща. Кормили за общим столом, но не баловали. Денег на руки не давали.

«Зачем тебе, милая? Ты же дома сидишь».

Вот во всех мирах одно и то же.

Галина Степановна аккуратно сложила жалкий узелок.

В дверь постучали. Хотя постучали слабо сказано, потому что через секунду уже вломились.

– Ах ты неблагодарная тварь! – Мать Малика, Дайнара вбежала в комнату. За её спиной маячили тётки, кузины, ещё какие-то женщины. – Малик мне всё рассказал! Ты посмела с ним так разговаривать? Ты, нищая бесприданница, которой оказали честь, пригрили в доме?!

Галина Степановна медленно выпрямилась.

Она стояла с узелком в руках и смотрела на эту разъярённую толпу.

И вдруг улыбнулась. Вспомнила как в девяносто первом стояла в очереди за крупой. Как выбивала премию для отдела у начальника-самодура. А потом хоронила мужа, растила детей одна, как улаживала конфликты с соседями, с учителями, с врачами, с чиновниками.

Её, Галину Степановну, пытаются запугать тощая тётка в парчовом платье и её свита?

– Милочка, вы бы отошли с дороги. Я ухожу. Сама. Чего вам ещё? Дайнара опешила, но всего лишь на секунду.

– Ты не уйдёшь, пока не вернёшь всё, что мы тебе дали! Серьги! Платья! Ты нас обворовывала два года!

– Какие серьги? – искренне удивилась Галина. – Те, что ваш сын подарил и через месяц забрал, сказав, что это артефакты рода и мне их носить не положено, пусть лежат у матушки?

Дайнара побагровела.

– Дерзость! Ты смеешь...

– Вон из комнаты, – тихо сказала Галина. И женщины расступились.

Сама не зная почему. Просто голос был такой... не терпящий возражений. Тон, которым говорят, когда устали. И не собираются больше терпеть.

Но отступать просто так Дайнара не умела. Она выскочила следом во двор, а за нею и свита.

– Вышвырните её, – процедила она. – Как есть, в чём стоит. Нищая и останется нищей. Никто тебя не примет, поняла? Никто! Будешь под заборами ночевать!

И тогда началось.

Галина Степановна не успела сгруппироваться. Её схватили, поволокли. Кто-то вырвал узелок, тряпки рассыпались по земле, книга глухо стукнулась об пол. Кто-то рванул ворот платья, пуговицы покатались по паркету.

– Чтобы знала своё место! – шипели над ухом. – Чтобы неповадно было!

Удар. Ещё удар. Галина Степановна прикрыла голову руками, чисто инстинктивно, так учили в той, прошлой жизни, где выжили, а не жили.

«Галлия, прости», – подумала она. – «Я не уберегла тебя. Я не успела. Прости».

– Что здесь происходит?

Голос прозвучал как раскат грома.

Женщины замерли. Руки, тянувшие волосы Галлии, разжались. Кто-то всхлипнул, кто-то отступил на шаг.

Галина Степановна подняла голову. Перед ней стоял мужчина.

Высокий. Плечистый. Глаза были светлые, серые, и в них полыхала такая ярость, что даже у Галины Степановны, у которой, казалось бы, иммунитет на всех мужиков всех миров, вдруг поджались пальчики на ногах.

– Я спрашиваю, – повторил он, – что здесь происходит, матушка? Дайнара побледнела. Сильнее, чем минуту назад.

– Рейнар... сынок... ты вернулся... мы не ждали...

– Я вижу, что не ждали, – оборвал он. – Я вижу, что в моём доме, пока меня нет, женщины превратились в стаю шакалов.

Он шагнул вперёд, и они отступили. Все. Рейнар.

Память Галлии подсказала: старший брат Малика. Военачальник. Тот, кого боятся и кого почти не видно в родовом гнезде, отсутствовал вечно на границе или в боях. Чужой среди этих сытых, гладких, жестоких в своей мелкой злобе людей.

Он подошёл к Галине. Опустился на корточки.

Она сидела на траве, прижимая к груди старую книгу, успела подхватить, пока её тащили, прижала к себе, как щит. Платье разорвано, волосы растрепаны, на скуле вспухает синяк. Рейнар смотрел на неё. Потом спросил:

– Почему ты в таком виде, Галлия? Она смотрела в его глаза.

– Спросите у своей семьи, господин Рейнар. Я больше не хочу ни слышать, ни знать их.

Она поднялась. Тело ломило, но она не показывала боли.

– Галлия... – начал он.

– Прощайте, – сказала она, собрала свои вещи и так и вышла вон, прижимая их к груди.

На улице было холодно.

Галина Степановна, нет, сейчас она просто Галлия, другой нет и не будет, брела по мостовой, не разбирая дороги. Босая. В разорванном платье. С книгой под мышкой, с узелком в кулачках.

Её отовсюду гнали как нищенку. Да что там скрывать, вид был что ни на есть самый настоящий нищенский.

– Пошла прочь, нищенка!

– Нечего здесь делать!

– Стража! Стража!

Она уворачивалась, шла, спотыкалась.

Галлия дошла до окраины. Там, за последними домами, рос старый дуб. Девушка опустилась под ним прямо на траву. Прислонилась спиной к шершавому стволу, прижала к груди книгу.

– Ну вот, – сказала она вслух. – И что теперь, Галина Степановна?

– Девушка, а девушка.

Галлия вздрогнула, открыла глаза.

Перед ней стояла старушка. Маленькая, сухонькая, с острым носом и цепкими живыми глазами. В руках сжимала плетеную корзинку с травами.

– Ты, никак, замёрзла? – спросила старушка. – И побитая вся... Ох, дела.

Галлия молчала. У неё не было сил говорить. А синяки от ее бывших родственниц, да, теперь проявились во всей красе красными и багровыми пятнами на коже.

– Слышала я, – старушка прищурилась, – будто одна девушка ищет работу с проживанием. Да вот забыла, как звать...

Она помолчала, склонив голову, словно прислушиваясь к чему-то.

– А может, и не забыла, – добавила она. – Может, это ты и есть, милая? Галлия смотрела на неё.

Старушка смотрела на Галлию.